

Столетие Льва Никитича Пушкарёва

12 мая 2018 г. исполнилось 100 лет нашему ныне здравствующему коллеге и учителю Льву Никитичу Пушкарёву. Этот славный юбилей даёт повод сказать тёплые слова о человеке, с которым нам довелось работать, проходя школу академической науки и восхищаясь его мастерством и профессионализмом.

Родился Лев Никитич в 1918 г. в небольшом селе Лобаново Тульской губернии, но вскоре его семья переехала в уездный город Ефремов. Ему повезло расти в дружной семье провинциальных интеллигентов, в небольшом, окружённом садом уютном доме, стоявшем на высоком берегу реки Красивая Меча (приток Дона). В Ефремове его отец — талантливый крестьянин-самоучка Никита Кириллович Пушкарёв — работал главным бухгалтером на недавно созданном заводе синтетического каучука. Уйдя в зрелые годы с этого предприятия, он увлёкся мичуринскими идеями и посвятил себя садоводству. Мать Льва Никитича — Наталья Мефодьевна (в девичестве Королёва) — была учительницей. Она рано скончалась, после чего Никита Кириллович женился на её ближайшей подруге, тоже учительнице, Анне Ивановне Митропольской, внучке священнослужителя, принадлежавшей к одной из тех семей просвещённого духовенства, которые издавна пополняли ряды русской интеллигенции (среди её ближайших родственников были и видный экономист, и ректор Ленинградского университета). Воспитывая Льва Никитича, его старшего брата Бориса и младшую сестру Наталью, Анна Ивановна фактически заменила им мать.

Как и его брат, ставший впоследствии известным изобретателем в сфере железнодорожного транспорта, Лев Никитич прекрасно учился в школе, много читал, увлекался литературой. Страсть к ней была воспитана родителями: домашнюю библиотеку Никита Кириллович начал собирать ещё до революции, подписываясь на произведения русских классиков, издававшиеся как приложение к журналу «Нива» (в годы войны, заняв Ефремов, нацисты топили этими книгами печь, а сад, выращенный Пушкарёвыми, вырубил для установки орудий).

В 1936 г., окончив школу с похвальным листом, Лев Никитич поступил в Московский институт философии, литературы и истории, но вскоре ему пришлось перевестись в Московский индустриально-педагогический институт им. К. Либкнехта, где студентам предоставляли общежитие. Во время учёбы особый интерес у него вызывала литература немецкого романтизма, он неплохо освоил немецкий язык и обратил на себя внимание преподавателей — известного фольклориста В.И. Чичерова и литературоведа-медиевиста В.Д. Кузьминой.

В 1941 г., прервав учёбу, студент последнего курса Пушкарёв ушёл добровольцем на фронт и в ноябре уже оборонял столицу в рядах 3-й Коммунистической дивизии города Москвы. Впереди были долгие бои, награды, три ранения (одно из них тяжёлое), госпитали. Последние годы войны Лев Никитич сражался на 2-м Белорусском фронте, пройдя боевой путь от Подмосковья до Штеттина. Там, на Одере, в мае 1945 г. он встретил Победу. На память о ратных испытаниях остались ордена Отечественной войны I степени и Красной Звезды, а также 19 медалей, включая самую дорогую — «За отвагу». Этот «солдатский орден» он получил за бой при освобождении небольшой деревушки в Калининской области в 1941 г.

Раз в году, в День Победы, коллеги и ученики Льва Никитича привыкли видеть его со всеми знаками отличия и нашивками за ранения. За праздни-

ным столом он непременно произносит тост за погибших товарищей. Близкие хорошо помнят его слова — фронтовика, убелённого сединами и отмеченного наградами: «Лучшие пали и лежат в земле». Не раз и сам Лев Никитич оказывался на краю гибели. Однажды его спасло увлечение немецким языком и умение читать готическую вязь: вызвали с передовой, чтобы прочесть документы из захваченной немецкой штабной машины, а когда он, выполнив задание, вернулся в расположение своей части, её уже не было — «в жарких боях полегли буквально все». Как-то он вспомнил про солдатские сапоги, спасшие ему жизнь в 1942 г. «Шли после одного из боёв по полю сражения солдаты, — рассказывал Лев Никитич, — один из них увидел на бездыханном бойце, полузасыпанном землёю от взрывной волны, хорошие сапоги. Польстился солдат на них, жизнь есть жизнь, а уж тем более жизнь фронтовая, стал стягивать те сапоги и тут понял, что тянет с живого... Это я и был». Потерявшего сознание Льва Никитича тот солдат осторожно откопал и отправил в госпиталь; врачи поставили диагноз: ранение (уже третье), контузия с потерей памяти. Но молодой организм справился. Со своим спасителем, оказавшимся крестьянином из-под Осташкова И.А. Скобелевым, с его женой и домочадцами Пушкарёв в дальнейшем многие годы поддерживал дружеские отношения.

Поразительно, но и во время войны Лев Никитич не терял связи со своими бывшими преподавателями. По совету Чичерова, он уже тогда занялся сбором фронтового фольклора: записывал мелким почерком на клочках бумаги частушки, присловья, удачные рифмы, придуманные солдатами, и отправлял их в Москву Кузьминой. Вместе с Чичеровым она снабжала своего ученика книгами, и это позволило ему в краткие периоды между госпиталями и сражениями подготовиться и сдать экстерном экзамены за последний курс института. Сделанные же им на фронте записи были бережно сохранены и затем возвращены вернувшемуся с фронта бойцу-филологу. На основе этого бесценного архива, включавшего также рассказы, песни, шутки и прибаутки товарищей по оружию, попадавшие на глаза надписи, сделанные фронтовиками на транспарантах, указателях дорог, на танках, железнодорожных вагонах и т.п., Пушкарёв в последующие десятилетия создал десятки статей, мемуарных заметок «бойца-добровольца» и книгу «По дорогам войны» (1995). В ней собраны свидетельства «неплакатных», подлинных настроений солдат, их отношения к войне, к Родине, к повседневной фронтовой жизни. С момента выхода в свет и по сей день эта книга привлекает внимание читателей и публицистов. Драматизм Великой Отечественной войны отразили пронзительно искренние фронтовые стихи Льва Никитича, опубликованные много лет спустя в сборнике «Вторая муза историка» (2003). Военная тема не отпускала его и в научном творчестве: как историк-медиевист Пушкарёв не раз писал о войне и мире в русском фольклоре и общественной мысли XVII–XVIII вв.

В 1945 г., демобилизовавшись, Лев Никитич поступил в аспирантуру на филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Его учителем стал выдающийся специалист по древнерусской литературе академик Н.К. Гудзий. Николай Каллиникович знал, что его аспирант после контузии страдает амнезией. Тем не менее, оценив его глубокие познания, он поверил в способность своего ученика справиться с недугом. С этого времени книжность Древней Руси, с её сложными аллюзиями и связями с культурой средневековой Европы, становится основным предметом исследований Пушкарёва. Вернувшийся с фронта с ранениями, ещё долго дававшими о себе знать, 27-летний аспирант благодаря целеустремлённости и твёрдости характера в 1949 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию «Повесть о Еруслане Лазаревиче». Основательность проделанной им работы подтверждают статьи и книга, напечатанная в 1980 г. и сразу нашедшая отклик и в нашей стране, и за рубежом (в немецком и польском научных журналах).

После защиты молодому кандидату филологических наук предстояло выехать по распределению в Нижний Новгород, но предназначенное для него место оказалось занято. Тогда в Министерстве образования Льву Никитичу предложили поработать в Москве и направили его, по заявке члена-корреспондента А.И. Яковлева, в Институт истории Академии наук СССР. Там готовилось издание документов XVII в. и требовался специалист, свободно читающий скоропись. Так случайность определила весь дальнейший творческий путь учёного, на несколько десятилетий связав его с Институтом истории СССР АН СССР (с 1992 г. — Институт российской истории РАН). В нём Лев Никитич вскоре получил должность учёного секретаря, а со временем стал ведущим научным сотрудником и членом учёного и диссертационного советов.

Первыми публикациями, над подготовкой которых трудился Лев Никитич, стали «Таможенные книги Московского государства XVII в.», вышедшие в 1950–1951 гг. в трёх томах, и «Рукописные сборники литературного характера Центрального государственного литературного архива СССР» (1954). Как археограф, автор вводных статей и редактор он работал над такими изданиями, как «Трёхсотлетие воссоединения Украины с Россией» (1954), «Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.» (Т. 1–3, 1965–1970), «Материалы по истории СССР» (вып. 1–6, 1955–1957), «Хрестоматия по истории СССР XVI–XVII вв.» (1962) и др. В полной мере его многолетний опыт скрупулёзного публикатора проявился при подготовке к печати тщательно проанализированной им уже в кандидатской диссертации повести о Еруслане Лазаревиче (её текст приведён в книге 1980 г.) и сочинения нечаевца И.Г. Прыжова «Декабристы в Сибири на Петровском заводе» (1985). В этом произведении каторжника-бытописателя, созданном по устным рассказам и собственным наблюдениям, сохранились переписанные Прыжовым пометки, оставленные И.И. Горбачевским на полях потерянного позднее экземпляра книги А.И. Герцена «14 декабря 1825 г. и император Николай». Посвящённую этим маргиналиям статью Л.Н. Пушкарёва, появившуюся в 1952 г. в «Вопросах истории», высоко оценила М.В. Нечкина. Считавшийся утраченным фонд Прыжова Лев Никитич обнаружил и вернул в научный оборот ещё в 1949 г. Нелёгкую и неблагодарную публикаторскую работу он всегда считал очень нужной и говорил: «Чьи-то книги и личные оценки событий прошлого забудутся, а подготовленные документальные собрания будут служить не один год».

Много сил Лев Никитич отдавал описанию архивных коллекций и фондов, в том числе Музейного собрания в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека (РГБ)), древнерусских рукописей Пушкинского Дома. Исключительное значение сохраняет тщательно выполненное им археографическое и источниковедческое описание хранящихся в РГБ 35 списков Хронографа редакции 1512 г., снабжённое подробными комментариями. Этот труд, который Лев Никитич поначалу собирался защищать как докторскую диссертацию, увидел свет в 1983 г.

Между тем, погружаясь в первоисточники, Пушкарёв всё сильнее интересовался теоретическими проблемами археографии и источниковедения. Вместе со старшими археографами С.Н. Валком и А.А. Новосельским он участвовал в составлении изданных в 1955 г. «Правил публикации исторических документов», по которым затем работали десятки архивистов в разных городах страны. С конца 1950-х гг. Лев Никитич часто выступал с докладами на источниковедческих конференциях в Москве, на Украине, в Эстонии и Грузии. О значении и формах критики источников он размышлял в многочисленных статьях, намечая подходы к блестяще защищённой им в 1970 г. докторской диссертации, положенной затем в основу его монографии «Классификация русских письменных источников по отечественной истории» (М., 1975). Этот труд, и сегодня не утративший своего значения, даёт чёткое и многогранное определение понятия

«исторический источник», анализирует виды систематизации источников в отечественной и зарубежной науке, предлагает стройную и оригинальную теорию их циклической и линейной классификации. Уже не одно поколение аспирантов, готовя источниковедческие разделы диссертаций, пользуется этой книгой, изданной более 40 лет назад, но по-прежнему востребованной и в России, и за рубежом.

Исследования Льва Никитича, филолога по образованию и историка-источниковеда по роду занятий, часто находятся на стыке и пересечении истории, литературоведения, этнографии, исторической антропологии и фольклористики. Освещая развитие общественной мысли, он рассматривает фольклор как важную часть русской духовной культуры и народного быта. Начиная с первой статьи — о закарпатском сказочнике Калине (1947), заслужившей похвалу Гудзия, Пушкарёв постоянно обращается к анализу традиционных говоров, пословиц, песен, поговорок, примет, сказок, лубочных картинок. В этих памятниках он справедливо видит ценнейшие источники, необходимые для изучения базовых категорий самосознания и картины мира русских людей XVII—XIX вв., эволюция которой отчётливо прослеживается в менявшихся со временем представлениях о труде, природе, Церкви.

Глубокое знание народной жизни органично сочетается в творчестве Льва Никитича с неизменным интересом к индивидуальному и, в частности, к судьбам общественно-политических деятелей (и в том, и в другом, видимо, сказывается давняя тяга к романтизму). Как уже отмечалось, ещё в молодости он увлечённо изучал биографию историка, этнографа, публициста и члена «Народной расправы» Прыжова, писавшего о нищих, пьянстве и кабаках, о Сибири, литературе Малороссии и т.д. Привлекала учёного и фигура революционного демократа и фольклориста И.А. Худякова. В нескольких статьях и очерках Пушкарёв анализировал идейные устремления Н.А. Некрасова и Н.Г. Чернышевского.

В 1970-е гг. основное внимание Лев Никитич уделял истории общественной мысли России XVI—XVIII вв. По заказу издательства «Молодая гвардия» он готовит биографический очерк о Симеоне Полоцком, вышедший в 1972 г. в популярной серии «Жизнь замечательных людей». Этот писатель и переводчик XVII столетия, в котором «старина с новизной перемешались», всегда вызывал у учёного интерес, лишь усиливавшийся вследствие того, что в советской историографии политические взгляды Симеона Полоцкого оценивались неоднозначно. Итогом многолетнего исследования стала фундаментальная монография «Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII в.» (1982), очерчивавшая представления как простых людей, так и элиты русского общества. Среди тех её представителей, чьи мысли были по-своему близки общим идейным установкам самого исследователя, заметно выделяется Юрий Крижанич, в котором Лев Никитич увидел разносторонне образованного и незаслуженно забытого автора со сложной судьбой и противоречивой репутацией у современников и потомков. В монографии «Юрий Крижанич: Очерк жизни и смерти» (1984) Пушкарёв вывел на первый план яркие идеи единства славянских народов, увлекавшие хорватского мыслителя, и его попытки создать общеславянский язык. Впоследствии Львом Никитичем была составлена вступительная статья к переизданию «Политики» (1997). Возвращение фигуры Юрия Крижанича в историю взаимоотношений славянских стран было немедленно замечено в Югославии, Польше, США и Германии, где появились сочувственные рецензии.

С 1980 г. изучение мировосприятия и самосознания людей XVII—XVIII вв. Лев Никитич продолжил в созданном в институте Секторе русской культуры дооктябрьского периода (сейчас — Центр по изучению отечественной культуры). Насыщенное и доброжелательное общение с коллегами способствовало выходу

новых его монографий «Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII–XVIII вв.» (1994) и «Человек о мире и самом себе (Источники об умонастроениях русского общества рубежа XVII–XVIII вв.)» (2000).

Как учёный, Лев Никитич обладает редким умением, не упрощая, рассказать просто о сложном. Неудивительно поэтому, что его перу принадлежит немало глав в коллективных академических трудах, включая многотомную «Историю СССР», в вузовских учебниках и пособиях, излагающих различные аспекты культуры, общественной мысли, просвещения, педагогики, науки и литературы. Оставаясь академичным, кабинетным учёным в лучшем смысле этого слова, Пушкарёв вместе с тем тонко чувствует связь прошлого и настоящего. Он всегда откликался на важнейшие юбилейные даты, делая доклады на конференциях, публикуя источники и статьи о воссоединении Украины с Россией, культурных связях русского народа с Украиной, Молдавией и Валахией, народной памяти о Куликовской битве, о вхождении Сибири в состав России. Поддерживая широкие связи с исследователями из самых разных регионов Советского Союза (а затем и возникших на его территории государств), Лев Никитич в десятках рецензий основательно и критично разбирал результаты их творчества. Он был желанным и незаменимым автором Большой советской и Советской исторической энциклопедий, состоял в редколлегиях фундаментальных изданий, в том числе «Словаря русского языка XI–XVII вв.».

Все, работавшие с Львом Никитичем в институте, и особенно его ученики хорошо знают замечательные человеческие качества учёного, его выдержанность, исключительно внимательное и корректное отношение к людям, заметные уже при первом знакомстве, умение выслушать и особый талант поддерживать в молодых историках творческое начало. Долгие годы Лев Никитич руководил аспирантами, приезжавшими к нему буквально со всех концов страны — с Русского Севера, из Мордовии, Якутии и т.д. Один из его аспирантов хорошо помнит, как в 1980-х гг. Лев Никитич предстал перед ним совершенно седым, но далеко не старым человеком, подтянутым, аккуратным во всём — одежде, манерах, речи. Поражали его глаза — ясные, спокойные и в то же время пытливые. Как мастер он стремился передать своим ученикам любовь к источнику, умение писать яркие, эмоционально насыщенные работы. Тем же, кто начинал воспринимать исторических деятелей слишком импульсивно и односторонне, восхищаясь или осуждая, своевременно предлагал подыскать более сбалансированные оценки и воздержаться от обвинений, руководствуясь старой юридической формулой: «виновен, но заслуживает снисхождения». Уже тогда он учил ставить источник и факты выше любой, самой совершенной теории, идти в своих рассуждениях от знания о событии и чувства материала, находить ясные и чёткие слова для описания и толкования. Увлечение молодых исследователей новомодной модернистской терминологией, которое он на немецкий лад называл «гелертерством», т.е. «учёностью», вызывало у Пушкарёва иронию. Гораздо важнее, по его мнению, не упускать из виду предмет исследования. «Перечитайте собственный текст, — советовал он ученикам, — и попробуйте выявить его логику, тогда увидите отклонения». Когда же работа готова, предлагал избегать многословия: «Ну, вот, Вы уже доказали, достаточно, завершайте статью». Сетовавших на трудность писательства он успокаивал: «У всех так, писать легче станете после шестидесяти. Да Вы не переживайте: глаза боятся, а руки делают». Трудно найти другого человека, который понимает мир, людей, историю и культуру столь взвешенно и реалистично. Мудрость и деликатность суждений видны и в воспоминаниях Льва Никитича о работе с учёными, с которыми ему доводилось общаться, в его кратких биографических зарисовках, посвящённых Н.А. Горской, Б.Д. Грекову, А.А. Зимину, Р.К. Кикнадзе, В.Д. Кузьминой, Л.В. Черепнину, И.Я. Яковлеву и многим другим.

Доброжелательный и ироничный, умеющий быстро и остроумно ответить, никого не обижая и не задевая, он играл заметную роль и в неформальной институтской жизни. Его блестящий юмор нашёл выражение в знаменитых на всю Москву институтских капустниках второй половины 1950-х — 1960-х гг. и в зарифмованной саге «История института истории, или Повесть институтских лет в самом сжатом очерке». В них чувствуется как поэтический дар Льва Никитича, так и хорошее знание академической среды и её «кухни». В молодости, в 1950-х — начале 1960-х гг., он редактировал стенгазету «Советский историк», которая выходила на 3–5 ватманских листах, заполненных заметками и стихами, имевшими критический, а иногда даже весьма ядовитый подтекст. Сатирический эффект текстов усиливали карикатуры художника-источниковеда В.Б. Тельпуховского. Как только новый выпуск вывешивался на стене, к нему сразу же стекались научные сотрудники институтов, квартировавших тогда в здании на Волхонке — историки, экономисты, философы.

Умение Льва Никитича жить полной жизнью воплотилось в создании удивительной семьи, гостеприимного дома, открытого для друзей и учеников. Можно только радоваться тому, как на протяжении многих десятилетий здоровье Льва Никитича и его творческое благополучие оберегает замечательная, величественно-красивая супруга и столь же известный учёный — доктор исторических наук Ирина Михайловна Пушкарёва. Талант и любовь к науке родители передали дочери — доктору исторических наук Наталье Львовне Пушкарёвой, известной своими феминистическими исследованиями. Причастен к научной деятельности и их внук Артемий.

Творческий итог работы Льва Никитича составляет около 500 опубликованных трудов. В том числе — 9 монографий, 5 брошюр и пособий, более 200 проблемных и справочных статей, публикаций источников, рецензий и воспоминаний (подробную библиографию см.: Археографический ежегодник за 2007–2008 годы. М., 2012. С. 467–494).

Коллеги и ученики благодарны судьбе за встречу с прекрасным человеком — Львом Никитичем Пушкарёвым, за возможность совместного научного творчества и общения с одарённым российским интеллигентом, которого не одолели ветры минувшего столетия. Желаем ему и его близким всех житейских благ и крепкого здоровья.

О.Г. Агеева, А.Е. Иванов, А.М. Кантор